

СЕРГЕЙ КАРА-МУРЗА

РАЗРУШЕНИЕ КУЛЬТУРЫ

Во время перестройки и реформы главным объектом воздействия было **культурное ядро** советского общества. При достаточной глубине его разрушения терял связность и волю советский народ, а значит, можно было ликвидировать СССР, сменить политическую систему, произвести передел собственности и кардинально перераспределить доходы.

Удар был нанесён столь сильный, что была повреждена культура России в целом, как система, во всех её элементах и связях. Более того, были запущены механизмы разрушения культуры, которые вошли в режим самовоспроизводства и даже самоускорения. Этот процесс стал угрозой, чреватой перерастанием в **национальную катастрофу**.

Никакой программы блокирования этого процесса и восстановления повреждённых частей не выработано ни в государстве, ни в обществе. Сопротивление носит молекулярный неорганизованный характер, и шансы на его решающий успех невелики. Требуется программа и организация.

Рассмотрим инструменты разрушения и типы повреждений, которые нанесены российской культуре. Подойдём прагматически, видя в культуре систему, необходимую для существования народов России и самой России как страны.

Кризис культуры всегда связан с кризисом её философских оснований. По ним и били. В центре любой национальной культуры – ответ на вопрос **“Что есть человек?”** Вопрос этот корнями уходит в религиозные представления, но прорастает в культуру. На это надстраиваются все частные культурные нормы и запреты.

Человек создан (преображён из животного) миром культуры. Первое дело культуры – заставить и научить нас быть **людьми**. Дело культуры – дать нам знания, умения и мотивы, чтобы жить в обществе и непрерывно создавать его. Культура дает нам **квалификацию** – быть членом общества. Она загоняет нас в рамки **дисциплины**, как при обучении рабочего, врача и пр. Культура вбивает в нас множество табу и запретов, подчиняет **цензуре**. Культура дает нам знания и умения быть частицей **народа**, а не соринкой в человеческой пыли. Это сложное обучение и трудное дело.

Тысячу лет культурное ядро России покоилось на идее, что “человек человеку брат”! Конечно, общество усложнялось, эта идея изменялась, но её главный смысл был очень устойчивым. И вдруг культурная элита в конце XX века кинулась вслед за идеологией в самый дремучий социал-дарвинизм. **Конкуренция – это наше всё!**

Кризис культуры возникает, когда в неё внедряется крупная идея, находящаяся в непримиримом противоречии с другими устоями данной культуры – люди теряют ориентиры, путаются в представлениях о Добре и зле. Внедрение в массовое сознание антропологической модели социал-дарвинизма велось как специальная программа. Целью её и было вытеснение из мировоззренческой матрицы народа прежнего **представления о человеке**.

Этот поворот был предопределён историческим выбором 80-х годов, сделанным частью номенклатуры в союзе с частью элитарной интеллигенции. Проект имитации общественных институтов Запада и отказ от цивилизационной траектории России требовал принять и западную антропологическую модель, которая лежит в основании идеологии буржуазного общества. Под давлением соблазнов и новой идеологии часть русских, особенно молодёжи, пыталась изжить традиционное представление о человеке. Результатом стало разрыхление связей русского народа (и даже появление прослойки людей, порвавших с нормами русского общежития – изгоев и отщепенцев).

Культура – это и есть те силы, что собирают народ. Представления о добре и зле, о человеке и его правах, о богатстве и бедности, о справедливости и угнетении – часть национальной культуры. Из этих представлений выводятся и принятые в нашей культуре нравственные нормы, ими же питается и искусство. Растёт ли или затухает угроза деградации культуры, инициированная изменением представлений о том, “что такое человек”? Видимо, динамика неблагоприятна, и нынешнее неустойчивое равновесие обманчиво. Тут наше национальное сознание дало сбой, общество не смогло ни понять угрозы, ни организовать для защиты и укрепления важнейшего **культурного устоя**. Посчитало, что такие вещи в усилиях по их сохранению не нуждаются.

Нам казалось, что заданное нам культурой представление о человеке очень устойчиво, что в нём есть как будто данное нам свыше жёсткое ядро. Специально об этом не думали, а теперь оказалось, что оно подвижно и поддаётся воздействию образа жизни, образования, телевидения. Культура – это огромная машина, которая чеканит нас в основном по чертежу, заложенному в неё сильными мира сего. Мы, конечно, сопротивляемся, подправляем чертёж, изменяем чеканку своей низовой культурой. Но диапазон угроз широк, возможностей от них уклониться часто не хватает.

В массе своей советские люди исходили из того представления о человеке, которым был проникнут **общинный крестьянский коммунизм** как версия “народного православия”. Они считали, что человеку изначально присущи качества соборной личности, тяга к правде и справедливости, любовь к ближним и инстинкт взаимопомощи. В особенности, как считалось, это было присуще русскому народу. Как говорилось, таков уж его “национальный характер”. А поскольку все эти качества считались сущностью русского характера, данной ему изначально, то они и будут воспроизводиться из поколения в поколение вечно. Была такая неосознанная уверенность.

Эта вера породила ошибочную в важной своей части антропологическую модель, положенную в основание советского жизнеустройства. Устои русского народа и братских народов России, которые были присущи им в период становления советского строя, были приняты за их **природные** свойства.

Считалось, что их надо лишь очищать от “родимых пятен капитализма”. Задача “модернизации” этих устоев в меняющихся условиях (особенно в обстановке холодной войны) не только не ставилась, но и отвергалась с возмущением. Как можно сомневаться в крепости устоев!

Эффективности крестьянского коммунизма как мировоззренческой матрицы народа хватило на 4–5 поколений. Люди рождения 50-х годов вырастали в новых условиях, их культура формировалась под влиянием кризиса массового перехода к городской жизни. Одновременно шёл мощный поток образов и соблазнов с Запада. К концу 70-х годов на арену вышло поколение, в культурном отношении очень отличное от предыдущих.

Если бы советское общество исходило из реалистичной антропологической модели, то за 50–60-е годы вполне можно было выработать и новый язык для разговора с грядущим поколением, и новые формы жизнеустройства, отвечающие новым потребностям. А значит, Россия преодолела бы кризис и продолжила развитие в качестве независимой страны на собственной исторической траектории культуры.

С этой задачей советское общество не справилось. Оно потерпело поражение и сдало страну “новым русским”. Надо признать, что для этого были предпосылки, которые корнями уходят в XIX век, в то влияние, которое оказал на русскую интеллигенцию романтизм классической немецкой философии. В советское время это влияние было закреплено марксизмом. В результате в мышлении (точнее, в когнитивной структуре) советской гуманитарной интеллигенции был силён **эссенциализм** – вера в наличие в основе общест-

венных явлений некоторой устойчивой сущности, отвечающей объективным законам исторического развития. Эта сторона нашей культуры, видимо, пока что не была глубоко изучена, но кризис 90-х годов побудил высказать важные суждения.

Так, социолог Г. С. Батыгин писал: “Советская философская проза в полной мере наследовала пророчески-тёмный стиль, приближавший её к поэзии, иногда надрывный, но чаще восторженный. Философом, интеллектуалом по преимуществу считался тот, кто имел дар охватить разумом мироздание и отождествиться с истиной. Как и во времена стоиков, философ должен был быть знатоком всего на свете, в том числе и поэтом. ...В той степени, в какой в публичный дискурс включалась социально-научная рационализированная проза, она также перенимала неистовство поэзии” [1].

Это выразилось в том, что гуманитарная культура не смогла в должной мере интегрироваться с социально-научной рациональностью, вследствие чего после смены поколений в 60–70-е годы “мы не знали общества, в котором живём”. Не знали – не могли и защитить.

Следствием этого срыва являются не только разрушение СССР и массовые страдания людей в период разрухи, но и риск полного угасания нашей культуры и самого народа. Ибо мы сорвались в кризис в таком состоянии, что он превратился в “ловушку”. Прежняя траектория исторического развития опорожена в глазах молодых поколений, и в то же время никакой из мало-мальски возможных проектов будущего не получает поддержки у массы населения.

Вопреки разуму и совести большинства, с нынешнего распутья идет сдвиг к **эгоцентризму** (к человеку-“атому”). Этот дрейф к утопии “Запада” как устоявшегося порядка начался в интеллигенции. Он не был понят и даже был усугублён попыткой “стариков” подавить его негодными средствами. В 80-е годы этот сдвиг уже шёл под давлением идеологической машины КПСС. Если на нынешнее неустойчивое равновесие не воздействовать целенаправленно и умело, сдвиг продолжится в сторону распада русского и других народов России. Вопрос в том, есть ли силы, способные остановить его, пока дрейф не станет лавинообразным.

Пока что культура нынешней России находится в отступлении. В среде новой “элиты” возникли течения, следующие гротескному, болезненному ницшеанству. Они мечтают о выведении не просто новой породы людей (“сверхчеловека”), а нового **биологического вида**, который даже не сможет давать вместе с людьми потомства. Они предвидят “революцию интеллектуалов”.

Что это значит? ИА “Росбалт” устроило в Петербургском университете проект “Мировые интеллектуалы в Петербурге”. Там делают доклады “признанные мировые интеллектуалы и лидеры влияния”. Доктор философских наук А. М. Буровский ведёт там такие речи: “Неандерталец развивался менее эффективно, он был вытеснен и уничтожен. Вероятно, в наше время мы переживаем точно такую же эпоху. “Цивилизованные” людены всё дальше от остального человечества – даже анатомически, а тем более физиологически и психологически... Различия накапливаются, мы всё меньше видим равных себе в генетически неполноценных сородичах или в людях с периферии цивилизации. Вероятно, так же и эректус был агрессивен к австралопитеку, не способному овладеть членораздельной речью. А сапиенс убивал и ел эректусов, не понимавших искусства, промысловой магии и сложных форм культуры” [2].

Это говорит в XXI веке с кафедры Петербургского университета профессор двух вузов нашей Северной Пальмиры. Все эти “лидеры влияния” не просто мечтают о таком будущем, они реализуют проект “Постчеловечество”, перенося его в плоскость политических и экономических программ. Вот статья В. Иноземцева в книге “Постчеловечество”. Она называется “On modern inequality. Социобиологическая природа противоречий XXI века”.

Иноземцев пишет: “Государству следует обеспечить все условия для ускорения “революции интеллектуалов” и в случае возникновения конфликтных ситуаций, порождаемых социальными движениями “низов”, быть готовым не столько к уступкам, сколько к жёсткому следованию избранным курсом” [3].

Интеллектуальные дебаты крутятся вокруг идеи создания с помощью биотехнологии и информатики **постчеловека**. При этом сразу встаёт вопрос: а как видится в этих проектах судьба **человека**? В рассуждениях применяются три сходных парных метафоры. В жёстких тезисах виды “постчеловек-человек” представлены как “кроманьонцы-неандертальцы”. Помягче, это “элои-

морлоки” (из фантазий Уэллса), совсем мягко – “людены-люди” (из Стругацких). А по сути, различия невелики.

Вот рассуждения А. М. Столярова, видного писателя-интеллектуала, лауреата множества премий: “Современное образование становится достаточно дорогим... В результате только высшие имущественные группы, только семьи, обладающие высоким и очень высоким доходом, могут предоставить своим детям соответствующую подготовку... Воспользоваться [новыми лекарствами] сможет лишь тот класс людей, который принадлежит к мировой элите. А это в свою очередь означает, что “когнитивное расслоение” будет закреплено не только социально, но и биологически, в предельном случае разделив всё человечество на две самостоятельные расы: расу “генетически богатую”, представляющую собой сообщество “управляющих миром”, и расу “генетически бедную”, обеспечивающую в основном добычу сырья и промышленное производство...”

Современные “морлоки” с их интеллектом кретина будут неспособны на какой-либо внятный протест. Равным образом они постепенно потеряют умение выполнять хоть сколько-нибудь квалифицированную работу, и потому их способность к индустриальному производству вызывает сомнения” [4].

Что ж, спасибо за откровенность. Если эта угроза не сдохнет сама, люди по крайней мере будут предупреждены и, скорее всего, снова на время успокоят “белуюкуру бестию”, уж эти-то навыки имеются.

Пройдём по некоторым другим сферам культуры, которые подвергаются деформации на наших глазах.

Фундаментальный элемент культуры – язык. В нём записываются, воспроизводятся и развиваются все смыслы мировоззрения. Как говорят, “человек видит и слышит лишь то, к чему его сделал чувствительным язык его народа”. Поэтому та деформация языка, которую мы наблюдаем в последние двадцать лет – вовсе не следствие безграмотности. Это – операция той холодной гражданской войны, в состоянии которой мы находимся.

Язык обладает огромной силой: “Словом останавливали солнце, словом разрушали города”. В русской культуре слово обладает святостью, и его использование сопряжено с большой ответственностью (“Слово гнило да не исходит из уст ваших”). Тут есть латентный конфликт с идеей “свободы слова” в ее западном понимании.

Недавно по вагонам московского метро был расклеен плакат: “Язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли”. И подпись: Макиавелли, итальянский мыслитель. Это – замечательное признание наших новых духовных пастырей. Ведь Макиавелли заострил вопрос до предела, утвердив дезинформацию как важное средство власти. Он признался в одном письме от 17 мая 1521 г.: “Долгое время не говорил я того, во что верю, никогда не верю я и в то, что говорю, и если иногда случается так, что я и в самом деле говорю правду, я окутываю её такой ложью, что её трудно обнаружить”. Вот у каких “мыслителей” заставляют сегодня учиться народ России, для которого Слово всегда было свято.

Деформируется не только словарь языка, но и строение фразы, ритм. Послушайте многих телеведущих или дикторов радио – они говорят как будто уже не по-русски. Язык слабеет как средство взаимопонимания людей, их соединения через музыку речи, передачу тонких смыслов интонациями. Тургенев сказал о русском языке: “В дни сомнений, в дни тягостных раздумий **ты один** мне поддержка и опора...” Эту опору, данную нам культурой, можно утратить, угроза этого вполне реальна. Значит, надо язык защищать – сознательно и умело.

Нравственное чувство людей оскорбляла начатая ещё во время перестройки интенсивная кампания по внедрению в язык “ненормативной лексики” (мата). Его стали узаконивать в литературе и прессе, на эстраде и телевидении. Появление мата в публичном информационном пространстве вызывало общее чувство неловкости, разъединяло людей.

Это была важная диверсия в сфере языка. Ведь для каждого его средства есть своя ниша, оговоренная выработанными в культуре нравственными и эстетическими нормами. Разрушение этой системы вызывает тяжёлую болезнь всего организма культуры.

Опросы 2004 г. показали, что 80% граждан считали использование мата на широкой аудитории недопустимым. Но ведь снятие запрета на использо-

вание мата было на деле частью культурной политики реформаторов! Это был акт войны, сознательная диверсия против одной из культурных норм, связывающих народ. Недаром 62% граждан одобрило бы введение **цензуры** на телевидении [5].

Произошёл разрыв большой части художественной интеллигенции с траекторией русской культуры, с **корпусом художественных образов**, которыми питалось наше самосознание. Это фундаментальное проявление кризиса, но политики и деятели культуры сводят его к нехватке денег. Этот вульгарный материализм — плохой признак. Рвётся связь с главной нитью мысли и душевного поиска Пушкина и Толстого, Достоевского и Чехова, Платонова и Шолохова! Оставить такое наследство ради чечевичной похлёбки Ерофеева — какой духовный и эстетический провал...

Поднявшаяся наверх вместе с новой властью новая художественная элита исходила из небывалой в истории культуры установки необратимого разрыва непрерывности, полного отрицания культуры нескольких прежних поколений. Такие радикальные течения быстро подавлялись и распадались даже в больших революциях (как это произошло с Пролеткультом и РАППом в русской революции). В антисоветской революции обрыв корней производился систематически при поддержке государства. В. Ерофеев в редкостной по ненависти статье “Поминки по советской литературе” пишет: “Итак, это счастливые похороны, совпадающие по времени с похоронами социально-политического маразма” [6].

Удивительна самонадеянность и детская радость В. Ерофеева от того, что значительная часть стариков (можно было бы сказать, “ветеранов войны и тыла”) **страдает** от тех перемен, которые происходили в стране. Он пишет “о настоящей **шекспировской** трагедии, происшедшей с частью пожилого поколения, которое к семидесяти годам осознаёт бессмысленность своего земного существования, отданного ложным идеалам”. О ком он это пишет? О поколении тех, кому в 1941 г. было по 20 лет. Они почти все полегли на фронте — и теперь посредственный литератор из номенклатурной семьи приписывает им “осознание бессмысленности своего земного существования”. Удивительна наглость иных глупых людей.

Так началось лавинообразное обрушение всех структур культуры. Этика любви, сострадания и взаимопомощи ушла в катакомбы, диктовать стало **право сильного**. Оттеснили на обочину, как нечто устаревшее, культуру уживчивости, терпимости и уважения. Мы переживаем реванш торжествующего хама — в самых пошлых и вызывающих проявлениях. Это и архитектура элитарных кварталов и заборов, и набор символических вещей (вроде “джипов”), и уголовная эстетика на телевидении, и повсеместное оскорбление обычаев и приличий. Это и наглое открытое растление коррупцией символических фигур нашей общественной жизни — милиционера и чиновника, офицера и учителя... Всё это — следствие культурной революции двух последних десятилетий.

Удар нанесён по всей мировоззренческой матрице, на которой был собран человек — носитель русской культуры XX века, **человек советский**.

Высокая русская культура, вобравшая в себя универсализм и Православия, и Просвещения, вошла в “симфоническое” взаимодействие с мечтой о Земле и Воле, выраженной в общинном коммунизме. Это породило необычный в истории культуры тип — **русского трудящегося** XX века. Сохраняя космическое чувство и эсхатологическое восприятие времени, он внёс в идеал справедливости вектор реального действия, знания и воли.

Величие этого культурного типа, который возненавидела антисоветская интеллигенция, оценили виднейшие мыслители XX века — и Запада, и Востока (назову Грамши и Кейнса, Сунь Ятсена и Махатму Ганди).

Появление этого типа — не природный процесс, это результат огромной культурной программы. В России произошло то, чего до этого не наблюдалось нигде — культуру высокого, “университетского” типа открыли для массы трудящихся, их не стали отделять от элиты **типом** культуры. Это — именно то, о чем мечтали русские просветители. В советское время уже как государственная программа началось это “общее дело” — снятие классовых различий через освоение единого языка и мира символов. Теперь идет разделение народа на классы (“расы”) по культурному признаку — машина культуры этим и занята.

Втопано в грязь массовое **художественное чувство**. Говорят, всему виной рынок. Неправда! Продукт “новой” культуры не может конкурировать как товар – ни с советскими, ни с западными продуктами. Почему посещаемость театров в России за годы реформы снизилась в три раза? Да потому, что по своему качеству театр никуда не годится, как люди ни тянутся к этому искусству. Сравните с советскими спектаклями, которыми нас иногда балует канал “Культура”, и всё станет ясно.

Средства, которые применялись при подавлении “старой” культуры, зачастую преступны. Из духовного пространства России удалены целые пласты культуры – Блока и Брюсова, Горького и Маяковского, многие линии в творчестве Льва Толстого и Есенина, революционные и большинство советских песен и романсов. Каков масштаб ампутации! То опустошение культурной палитры, которое произвели “хозяева” России за двадцать лет, – особый тип измены Родине.

За последние двадцать лет художественная элита России стала “играть на понижение”. Как будто что-то сломалось в её мировоззрении. В отношении внешних норм приличия российские СМИ “американизировались”. Вот небольшой штрих. Долгие годы во всём мире пробным камнем, на котором проверялись нравственные установки политиков и газет, было отношение к войне США во Вьетнаме. Эта война трактовалась гуманитарной интеллигенцией как аморальная. Её и представляли с этой точки зрения, как символ кризиса культуры.

С середины 90-х годов телевидение России стало предоставлять экран для голливудских фильмов, обеляющих и даже прославляющих эту войну. Почему? Разве узнали что-то новое о той войне? Нет, изменились критерии благородства. Стиль, конечно, свой, а тип тот же.

Дикторы телевидения заговорили с ёрничеством и улыбочками, программы наполнились невежеством и дешёвой мистикой. По отношению к “чужим” для США фигурам (Кастро, Чавес, Лукашенко) – ирония и плохо скрытое хамство лакея. Наше телевидение стало говорить на том же языке, с теми же ужимками, что и на Западе. Но там в личных разговорах интеллектуалы сами признают, что с падением СССР Запад “оскотинился”. Это понимание – шаг к выздоровлению. У нас такого понимания не видно. На телевидении возникла особая мировоззренческая и культурная система, работающая “на понижение”. Экран испускает поток пошлости, в которой тонет проблема Добра и зла. На этот поток нельзя опереться, в нем захлёбывается сам вопрос о бытии. Произойди совмещение того, что должно быть разделено.

В отношении отодвинутой от “праздника жизни” половины населения России наша официальная культура ведёт себя, как в отношении низшей расы. Её просто не замечают, как досадное явление природы, а если и упоминают, то с “романтической” или глумливой подачей. Социальная драма миллионов людей не вызывает минимального уважения. Гастарбайтеры, бомжи, пьяницы – колоритные фигуры российского телевидения.

Наш “средний класс” наконец-то переборол старые нормы чести и достоинства. Личная совесть, конечно, осталась, но она без социально контролируемых норм не столь уж действенна. Да, человек в душе раскаивается, а общество сползает в грязь. А ведь без того, чтобы восстановить обязательный минимальный уровень благородства, ни о каком сплочении для выхода из кризиса и речи быть не может.

Достоевский сказал странную фразу: “Красота спасёт мир”. Блаженная мысль? По трезвому расчёту, да. И в то же время много в ней верного, если не понимать её буквально. В ней надежда на то, что в последний момент невидимые силы поддержат человека, не дадут ему упасть.

Сейчас положение хуже, чем во времена Достоевского, красоте явно не справиться. Но вспомним и другие невидимые и слабые силы. Вместе они были бы для нас большой опорой. Но подлецы это как будто предвидели и начали загодя вытравлять их из общественного пространства, сживать со света. Но вспомнить о них надо, что-то ведь осталось. Есть такая вещь, которая когда-то была привычной и обыденной – **благородство**. Теперь о нём говорить не принято, это вещь чуть ли не реакционная.

Благородство укрылось на уровне личности, в виде совести, которая редко выглядывает наружу, а грызёт человека ночью. Но о совести говорить не будем, это сущность тайная. Скажем о простой, внешней скорлупе благород-

ства – элементарных нормах общественных отношений, о приличиях, без которых невозможно даже минимальный порядок.

Здесь с момента краха советской мировоззренческой системы, подкрепленной военным потенциалом СССР, в мире наблюдается поразительно быстрая и глубокая деградация. Просто распад. Похоже, что Запад к этому давно тяготел, да “двухполюсная” структура мира не позволяла расслабиться. Теперь препятствий нет.

Средством принижения человека стал в России и подрыв **культуры мышления**. Была проведена большая кампания по разрушению рационального сознания и механизмов его воспроизводства. Целенаправленное воздействие было оказано на все каналы социодинамики культуры – на школу и вузы, на науку и СМИ, на армию и искусство. **Невежество стало действенным!** Оно узаконено, подкреплено потоком алогичных, антирациональных утверждений, противоречащих и знанию, и мере, и здравому смыслу. Замечу, что репрессировано и религиозное сознание, его вытесняют оккультизм и суеверия.

Реформа привела к важному провалу в культуре, о котором не принято говорить. Он из тех, которые тянут на дно, как камень на шею – пока не сбросишь, не выплывешь. Речь о том, что элита присвоила себе **право на ложь**. Мораль затрагивать не будем. Важнее, что общество, где утверждено такое право, слепо. Оно не видит реальности, и с каждой ложью в нём слепнут и поводыри.

Есть преуспевающие “пиратские страны”, стоящие на принципе “Не в правде Бог, а в силе”. В век Просвещения этот принцип был прикрыт ложью, ушёл в молчание круговой поруки – ложь была направлена вовне, а не против своей же нации. У нас произошёл другой поворот – элита стала лгать именно “своему” народу.

Стратегия реформ изначально строилась на лжи. Сейчас уже невозможно делать вид, что “мы не знали”. Уход от рефлексии загоняет болезнь всё глубже, ложь формирует особый тип рациональности. Обман стал социальной нормой реформаторской элиты России – вот главное.

Кризис советской политической системы начался с XX съезда, когда верховная власть партии применила фундаментальный (в отличие от ритуального) обман как средство управления самой партией. Тогда в своём известном докладе Н. С. Хрущев пошёл на заведомый и сознательный подлог в заявлении о количественных масштабах репрессий сталинского периода. Это положило начало развитию **культуры лжи** в политической верхушке. При этом та часть номенклатуры, которая приняла эти нормы, сразу стала сдвигаться к антисоветизму.

А. Н. Яковлев писал в “Черной книге коммунизма”: “После XX съезда в сверхузком кругу своих ближайших друзей и единомышленников мы часто обсуждали проблемы демократизации страны и общества. Избрали простой, как кувалда, метод пропаганды “идей” позднего Ленина. Надо было ясно, четко и внятно вычлнить феномен большевизма, отделив его от марксизма прошлого века. А потому без устали говорили о “гениальности” позднего Ленина, о необходимости возврата к ленинскому “плану строительства социализма” через кооперацию, через государственный капитализм и т. д.

Группа истинных, а не мнимых реформаторов разработала (разумеется, устно) следующий план: авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем, в случае успеха, Плехановым и социал-демократией бить по Ленину, либерализмом и “нравственным социализмом” – по революционризму вообще” [7].

С тех пор по лестнице партийной (в том числе в общественных науках) иерархии быстрее всего стали продвигаться люди **двуличные**. Некоторые из них были талантливыми, другие посредственными, но важно, что они приняли нормы двоемыслия, что деформировало всю когнитивную структуру сознания гуманитарной элиты.

Вот, например, воспоминание видного и уважаемого философа Л. Н. Митрохина: “К тому времени (1958) нам была ясна идеологически-корыстная фальшь официальной социальной науки (прежде всего “научного коммунизма”), уверявшей, что советский человек “проходит как хозяин по просторам Родины своей”. ...Да, Федор Васильевич Константинов ...был одной из самых мрачных фигур того времени. Под его началом я работал несколько лет, был

заведующим сектором, секретарём партбюро Института, переводил его во время командировки в Вену...

Главное в том, чтобы важно отличать от несущественного, от мимолетных эмоций и слов. А состоит оно в том, что все вы (а список людей, причастных к рождению отечественной социологии, более или менее определёнен) выступали против духовного ГУЛАГа, против митиных и константиновых" [8].

Кажется, это – небывалая в истории культуры деформация сознания, произведённая перестройкой. Воспоминания Л. Н. Митрохина полны достоинства и уважения к самому себе. Но если ему "была ясна идеологически-корыстная фальшь официальной социальной науки", из каких побуждений он пробивался вверх по иерархии этой самой науки? Зачем он "был заведующим сектором, секретарём партбюро Института", работал под началом "одной из самых мрачных фигур того времени"? Если он делал это из шкурных побуждений, то зачем откровенничать, да ещё принимать благородную позу? Это ненормально. Ведь чтобы после этого себя уважать и на своём примере учить жизни молодёжь, должно же быть какое-то объяснение, какая-то уважительная причина! Но почему же он её не называет?

Я думаю, его сознание перевернуто перестройкой, и он теперь **постеснялся бы** как раз того объяснения, которое в норме послужило бы разумным оправданием его поведения. Ну как с такой интеллектуальной элитой может не впасть в кризис страна? Интеллектуальные авторитеты, выведенные теперь на авансцену, передают обществу расщепление своего сознания. Мы не говорим о циничной части представителей номенклатуры, которые после 1991 года пустились во все тяжкие, занялись коррупцией и глумятся над доверчивыми людьми. У этих сознание не расщеплено.

Л. Н. Митрохин не раз возвращается к теме "двуличия" виднейших советских гуманитариев. Так, он пишет об академике Ю. П. Францеве, который очень много сделал для создания научных учреждений социологии в СССР: "Францев вступил в партию и стал делать быструю карьеру по линии МИДа. У меня, однако, сложилось впечатление, что она сопровождалась всё более мучительными переживаниями. С одной стороны, он (заместитель главного редактора "Правды", позже ректор Академии общественных наук при ЦК КПСС) уже тогда видел убожество и догматизм официальной идеологии, порочность порядков, ею охраняемых. С другой, – понимал, что сознательно обрёл себя на служение этому строю, и продолжал настойчиво, порой просто талантливо, восхвалять мудрость ЦК КПСС".

Он представляет Францева почти как своего двойника. Но никакого объяснения тоже не даёт. Так хоть бы сказал, что здесь есть какая-то загадка, которую надо было бы разгадать. Это необходимо для выхода из нынешнего культурного кризиса. Можно было бы и шире поставить вопрос: а при других политических режимах разве служение интеллектуала власти не "сопровождается всё более мучительными переживаниями"? Да это одна из сложнейших проблем политической философии. Ведь интеллектуалу при осмыслении вариантов политических решений приходится постоянно находить баланс между **несоизмеримыми ценностями**. Де Токвиль писал: "Мой вкус подсказывает мне: люби свободу, а инстинкт советует: люби равенство". Отсюда и переживания.

Но ведь даже и свобода на деле представляет собой вовсе не гармоничский набор благ, а систему конкурирующих между собой и даже несоизмеримых свобод. Есть ситуации, в которых "не существует пристойного, честного и адекватного решения", и это не зависит от воли или наклонностей [9]. Может ли политик пожертвовать адекватностью решения? Да, если он в этом конфликте выше адекватности поставит свою репутацию "пристойного, честного" человека. Но будет ли это честным?

Эти драматические ситуации – реальность, а "убожество и догматизм официальной идеологии" – шелуха на этой реальности. И академик Францев сделал честный и адекватный выбор – не обращая внимания на эту шелуху, он выполнял то, что считал нужным для укрепления страны – "служил строю" и "восхвалял мудрость ЦК КПСС". Было бы, конечно, ещё полезнее, если бы он смог преодолеть "убожество и догматизм" общественного сознания, дать советскому строю хорошую теорию. Но, думаю, он трезво осознал, что такой возможности у него нет – не созрели для неё условия и запас знания, они только-только начинают появляться как продукт нашего кризиса.

Эта ситуация не была обдумана. В результате большая часть гуманитарной интеллигенции стала осознавать себя как двуличную, а затем и приняла двуличие и обман как норму. Очень многие впали и в цинизм.

Какую роль сыграл этот обман, вошедший в норму? Приняв **логику обмана**, элита отошла от рациональности. Позже стало можно игнорировать **фактическую информацию**, в том числе количественную. Общество утратило инструменты для познания реальности. Лжец теряет контроль над собой, как клептоман, ворующий у себя дома. Речь идёт о сдвиге в мировоззрении, подрыве жизнеспособности нашей культуры. Это произошло в самой доктрине реформ и за эти годы стало элементом “культурного ядра” общества. Это программа-вирус нашего сознания.

Большим и резким изменением в культуре стал тот факт, что в идеологическую борьбу активно включились учёные, обладающие “удостоверением” разумного, беспристрастного человека (иногда завоевавшего доверие и своей профессиональной работой). Это подрывало систему престижа, важную опору культуры.

Во время перестройки множество академиков, писателей и народных трибунов доказывали, что строительство “рукотворных морей” и стоящих на них ГЭС было следствием абсурдности плановой экономики и нанесло огромный ущерб России. Н. П. Шмелев, депутат Верховного Совета, ответственный работник ЦК КПСС, ныне академик, пишет в важной книге: “Рукотворные моря, возникшие на месте прежних поселений, полей и пастбищ, поглотили миллионы гектаров плодороднейших земель” [10]. Но это неправда! Водохранилища отнюдь не “поглотили миллионы гектаров плодороднейших земель”, зато позволили оросить 7 млн га засушливых земель и сделали их действительно плодородной пашней. При строительстве водохранилищ в СССР было затоплено 0,8 млн га пашни из имевшихся 227 млн га – 0,35% всей пашни*.

Честный человек должен был бы сообщить и такие сведения: на тот момент в США было 702 больших водохранилища (объёмом более 100 млн м³), а в России 104. А больших плотин (высотой более 15 м) было в 2000 г. в Китае – 24 119, в США – 6 389, в Канаде – 820, в Турции – 427 и в России – 62 [11]. Отставание России в использовании гидроэнергетического потенциала рек колоссально, но общество убедили в том, что водное хозяйство приобрело у нас безумные масштабы**.

Поток подобных утверждений заполнил все уголки массового сознания и создавал ложную картину буквально всех сфер бытия России. Наше общество просто контужено массивированной ложью.

Тяжёлый удар по культуре нанесла ложь, которой был пропитан весь идеологический дискурс перестройки, представляющий её переходом к **демократии** и **правовому** государству. Для тех, кто лично общался с этими идеологами и читал их тексты, эта ложь стала очевидной уже в 1989–1990 гг., но основная масса населения искренне верила в лозунги и обещания – общество действительноросло до общей потребности в демократии. Но стоило ликвидировать СССР и его политический порядок, как те же идеологи стали издеваться над обманутым населением с удивительной глумливостью.

Валерия Новодворская писала в 1993 г.: “Я лично правами человека накушалась досыта. Некогда и мы, и ЦРУ, и США использовали эту идею как таран для уничтожения коммунистического режима и развала СССР. Эта идея отслужила своё, и хватит врать про права человека и про правозащитников. А то как бы не срубить сук, на котором мы все сидим... Я всегда знала, что приличные люди должны иметь права, а неприличные (вроде Крюкова, Хомейни или Ким Ир Сена) – не должны. Право – понятие элитарное. Так что или ты тварь дрожащая, или ты право имеешь. Одно из двух” [13].

А. С. Панарин говорит о катастрофических изменениях в жизнеустройстве и добавляет: “Но сказанного всё же слишком мало для того, чтобы пере-

* Если уж вводить меру потерь “плодороднейших земель”, то надо вспомнить, что в Российской Федерации нынешняя рыночная реформа “поглотила” 45 млн га посевных площадей – они выведены из оборота и зарастают кустарником.

** Стыдно образованным людям не знать, что за счёт ГЭС сильно снижается цена электроэнергии в стране, что сказывается и на производстве, и на быте. Так, в 2008 г. Усть-Илимская, Братская и Иркутская ГЭС поставляли на рынок электроэнергию по цене 1,45 коп./кВт·час. Это в 30 раз дешевле, чем электрическая энергия близлежащих тепловых станций той же компании “Иркутскэнерго” [12].

дать реальную атмосферу нашей общественной жизни. Она характеризуется чудовищной инверсией: всё то, что должно было бы существовать нелегально, скрывать свои постыдные и преступные практики, всё чаще демонстративно занимает сцену, обретает форму “господствующего дискурса” и господствующей моды” [14].

За последние двадцать лет в России, в основном, завершилась смена общественного строя. Новое жизнеустройство представило свои принципиальные признаки. Что произошло при этом переходе с одним из главных условий безопасности основной массы людей — их защищённостью от преступника? Произошло событие аномальное — в одной из самых благополучных в этом смысле стран мира почти искусственно раскручен маховик жёсткой, массовой, организованной преступности. Страна перешла в совершенно новое качество — новый политический режим сдал население в лапы “братвы”.

Положение таково. В 1987 г., последний год перед реформой, в РСФСР от убийств погибли 11,3 тыс. человек (с учётом смерти от ран и травм) и произошло 33,8 тыс. грабежей и разбоев. В 2006 г. от преступных посягательств погибло 61,4 тыс. человек и получили тяжкий вред здоровью 57 тыс., а число грабежей и разбоев достигло 417 тыс. Число таких преступлений, видимо, стабилизируется на высоких уровнях. В 2007 г. от преступных посягательств погибло 54 тыс. человек, получили тяжкий вред здоровью 52,9 тыс., зарегистрировано 340 тыс. грабежей и разбоев. Число тяжких и особо тяжких преступлений уже много лет колеблется на уровне 1,8 млн в год (к тому же сильно сократилась доля тех преступлений, что регистрируются и тем более раскрываются).

Это значит, что официально примерно в 5% семей в России ежегодно кто-то становится жертвой тяжкого или особо тяжкого преступления! А сколько ещё близких им людей переживают эту драму. Сколько миллионов живут с изломанной душой преступника, причинившего страшное зло невинным людям! Только в местах заключения ежегодно пребывает около миллиона человек (в 2008 г. 888 тыс.). Таким образом, жертвы преступности, включая саму вовлечённую в неё молодёжь, ежегодно исчисляются миллионами — и это только начало раскручивания страшного маховика*.

Как взрастили эту угрозу? Ведь это — новое явление. Был у нас в 60–70-е годы преступный мир, но он был замкнут, скрыт, он маскировался. Он держался в рамках теневой экономики и воровства, воспроизводился без расширения масштабов. Общество — и хозяйство, и нравственность, и органы правопорядка — не создавало питательной среды для взрывного роста этой раковой опухоли.

Причины её нынешнего роста известны, и первая из них — социальное бедствие, к которому привела реформа. Из числа тех, кто совершил преступление, более половины составляют теперь “лица без постоянного источника дохода”. Большинство из другой половины имеют доходы ниже прожиточного минимума. Изменились социальные условия! Честным трудом прожить трудно, на этом “рынке” у массы молодёжи никаких перспектив, реформа “выдавила” её в преступность.

Но только от бедности люди не становятся ворами и убийцами — необходимо было и разрушение нравственных устоев. Оно было произведено, и сочетание этих причин с неизбежностью повлекло за собой взрыв массовой преступности. В России возникли новые культурные условия жизни, когда множество молодых людей идут в банды и преступные “фирмы”, как на нормальную работу.

Преступность — процесс активный, она затягивает в свою воронку всё больше людей, преступники и их жертвы переплетаются, меняя всю ткань общества. Бедность одних ускоряет обеднение соседей, что может создать лавинообразную цепную реакцию. Люди, впавшие в крайнюю бедность, разрушают окружающую их среду обитания. Этот процесс и был сразу запущен одновременно с реформой. Его долгосрочность предопределена уже тем, что сильнее всего обеднели семьи с детьми, и большая масса подростков стала вливаться в преступный мир.

* В 2008 году выявлено лиц, совершивших преступления, 1,26 млн. Пострадало от преступных действий 2,3 млн человек, из них погибло 46 тыс. и получили тяжкий вред здоровью 48,5 тыс. человек. В 2000 году погибли и получили тяжкий вред здоровью 151 тыс. человек. И так — каждый год.

Это – массивный социальный процесс, который не будет переломлен наибольшими “социальными” подачками. В 2005 г. по отношению к 2000 г. распространённость алкоголизма среди подростков увеличилась на 93%, а алкогольных психозов на 300% [15].

Но главная проблема в том, что преступное сознание заняло господствующие высоты в экономике, искусстве, на телевидении. Культ денег и силы! На Западе уже в середине неолиберальной волны был сделан вывод, что цена оплачивается прежде всего **детьми и подростками**. Американский социолог К. Лэш пишет в книге “Восстание элит”: “Телевизор, по бедности, становится главной нянькой при ребёнке... [Дети] подвергаются его воздействию в той грубой, однако соблазнительной форме, которая представляет ценности рынка на понятном им простейшем языке. Самым недвусмысленным образом коммерческое телевидение ярко высвечивает тот цинизм, который всегда косвенно подразумевался идеологией рынка”.

Растворяющее воздействие телевидения образует **кооперативный эффект** с одновременным обеднением населения. В ходе рыночной реформы в России сильнее всего обеднели семьи с двумя-тремя детьми. И глубина их обеднения не идёт ни в какое сравнение с бедностью на Западе. А вот, как пишет Лэш, что там принесла неолиберальная реформа: “Самым тревожным симптомом оказывается обращение детей в культуру преступления. Не имея никаких видов на будущее, они глухи к требованиям благоразумия, не говоря о совести. Они знают, чего они хотят, и хотят они этого сейчас. Отсрочивание удовлетворения, планирование будущего, накопление зачётов – всё это ничего не значит для этих преждевременно ожесточившихся детей улицы. Поскольку они считают, что умрут молодыми, уголовная мера наказания также не производит на них впечатления. Они, конечно, живут рискованной жизнью, но в какой-то момент риск оказывается самоцелью, альтернативой полной безнадёжности, в которой им иначе пришлось бы пребывать... В своём стремлении к немедленному вознаграждению и его отождествлению с материальным приобретением преступные классы лишь подражают тем, кто стоит над ними” [16].

Именно это, и в гораздо большей степени, произошло в России. Без духовного оправдания преступника авторитетом искусства не было бы взрыва преступности. Особенностью нашего кризиса стало включение в этическую базу элиты элементов преступной морали – в прямом смысле. Преступник стал положительным лирическим героем в поэзии – таков был социальный заказ элиты культурному слою.

Вот один из последних примеров – сериал “Сонька – Золотая Ручка”, который снял Виктор Иванович Мережко. Он восхищён ею – “талантливая воровка”. В этой воровке, которая действовала в составе банды, он видит героя, востребованного нынешним обществом: “Она уже легенда. И войдёт в число женщин-героинь обязательно! Это наша Мата Хари. Но не шпионка, а воровка”. Национальная героиня России! В этих похвалах Мережко поддерживает телеканал “Россия”: “Её таланту и авторитету в уголовном мире не было равных”.

В русском фольклоре с уважением отзывались о мятежниках, иногда и о разбойниках с трагической судьбой, но не о профессиональных ворах и грабителях. Мережко говорит о том, что его побудило прославлять Соньку: “Уникальность и романтичность личности. Другой такой в нашей истории не было. Она не бандит вроде Пугачёва или Разина”. Вот теперь о ком надо слагать народные песни типа “Есть на Волге утёс”.

Режиссёра спросили, хотелось бы ему встретиться с живой Сонькой. В ответ: “Конечно! Обязательно выразил бы ей свой восторг, уважение”. Уважение! Мережко воровку уважает и детей учит: “Мы с дочкой даже сходили на Ваганьковское кладбище, где, по легенде, лежит Золотая Ручка. Нашли мраморный памятник, цветочки положили...” [17].

Чтобы этот особый дух “уважения к вору” навязать, хоть на время, большой части народа, трудилась целая армия поэтов, профессоров, газетчиков. Первая их задача была – устранить общие нравственные нормы, которые были для людей написаны законом. В результате сегодня одним из главных препятствий к возврату России в нормальную жизнь стало широкое распространение и укоренение преступного мышления. Это нечто более глубокое, чем сама преступность.

Российское общество подходит к пороговому моменту в исчерпании ресурсов советской культуры. При этом никаких ресурсов альтернативной культуры (например, “западной”) не появилось. До сих пор даже и антисоветская мысль в России питалась советской культурой и была её порождением, а теперь и она – как рыба, глотающая воздух на песке.

Обрезав советские корни, жители России не обрели других и становятся людьми ниоткуда, идущими в никуда. Когда они дойдут до нужной кондиции, их богатства и человеческий материал будут потреблены более жизнеспособными цивилизациями. Но исход вовсе не предопределён. Если молодёжь России хочет выжить как большая культурная общность, она ещё имеет время, чтобы хладнокровно рассмотреть все варианты будущего и определиться. Главные устои культуры быстро не исчезают, а лишь уходят вглубь, становятся сокровенными и теряют качества активных социальных факторов. Нужны усилия, чтобы их “оживить”.

Литература

1. Б а т ы г и н Г. С. “Социальные учёные” в условиях кризиса: структурные изменения в дисциплинарной организации и тематическом репертуаре социальных наук. – В кн. “Социальные науки в постсоветской России”. М.: Академический проект, 2005, с. 43.
2. Б у р о в с к и й А. М. После человека. – “Постчеловек”. М.: Алгоритм, 2008, с. 208.
3. И н о з е м ц е в В. On modern inequality. Социобиологическая природа противоречий XXI века. – “Постчеловечество”. М.: Алгоритм, 2007, с. 71.
4. С т о л я р о в А. М. Розовое и голубое. – “Постчеловек”. М.: Алгоритм, 2008, с. 26, 31.
5. Как мы думали в 2004 году: Россия на перепутье. М.: Алгоритм – ЭКСМО. 2005, с. 80, 258.
6. Е р о ф е е в В. Поминки по советской литературе. – Апрель, 1900. Вып. 2.
7. Я к о в л е в А. Н. Большевизм – социальная болезнь XX века // Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии / К у р т у а С. и др. М.: Три века истории. 2001, с. 14.
8. М и т р о х и н Л. Н. Тернистые пути отечественной социологии. – В кн. “Социология и власть”. 2008.
9. Г р е й Дж. Поминки по Просвещению. М.: Праксис, 2003, с. 143.
10. Ш м е л ё в Н., П о п о в В. На переломе: перестройка экономики в СССР. М.: Изд-во Агентства печати Новости, 1989, с. 140–143.
11. Б е л я к о в А. А. Стратегические проекты России в условиях кризиса. – “Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование”. 2009, т. 2, вып. 3.
12. “Тарифы поставки электрической энергии на оптовый рынок на 2008 г.” – <http://www.irkutskenergo.ru/gi/2381>.
13. Н о в о д в о р с к а я В. Прощание славянки. М.: Захаров, 2009, с. 307.
14. П а н а р и н А. Народ без элиты. М.: Алгоритм-ЭКСМО. 2006, с. 297.
15. И в а н е ц Н. Н., К о ш к и н а Е. А., К и р ж а н о в а В. В., Н. И. П а в л о в с к а я Н. И. Демографические последствия роста наркомании и алкоголизма. – В кн. Россия: предпосылки преодоления системного кризиса. М.: ИСПИРАН, 2007.
16. Л э ш К. Восстание элит и предательство демократии. М.: Логос-Прогресс. 2002, с. 79, 169.
17. Р о м а н о в Н. Сонька на скорую руку. – Литературная газета. № 20 (6120) 16 – 22 мая 2007 г. (http://www.lgz.ru/archives/html_arch/ig202007/Polosy/10_1.htm).